

УДК 27/29

**ИОАННО-ПОКРОВСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ
В КУБАНО-ЧЕРНОМОРСКОЙ ОБЛАСТИ
И ЕГО ЗАКРЫТИЕ В 1924 ГОДУ
(ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)**

А.С. Малахова, С.Н. Малахов

**THE IOANNO-POKROVSKY CONVENT
IN KUBAN-BLACK SEA REGION
AND ITS CLOSURE IN 1924
(BASED ON ARCHIVAL MATERIALS)**

A.S. Malakhova, S.N. Malakhov

Аннотация. В статье на основе архивных документов восстанавливается история Покровского (Калиновичского) монастыря, основанного близ села Гулькевичи Кубанской области в 1895 г. Первоначально это был Покровский мужской скит, принадлежавший Александро-Афонской Зеленчукской пустыни. Однако к началу 1920-х годов изменился контингент монахов и название обители. Он стал именоваться Иоанно-Покровским женским монастырём. В статье рассмотрены эпизоды внутренней жизни монастыря после установления советской власти на Кубани, показаны последствия Гражданской войны и изъятия церковных ценностей в 1922 г. Уточнена дата закрытия монастыря в 1924 г. и дальнейшая судьба православной Покровской общины, которая была связана духовной жизнью с монастырём. Выявлена дата разрушения церкви во имя Покрова Божией Матери. На основе изученных документов делается вывод о причинах и характерных чертах антирелигиозной политики государства в середине 1920-х годов, которая была вызвана, прежде всего, идейно-политическими, а не экономическими факторами.

Abstract. Based on archival documents the history of the Pokrovsky (Kalinovichsky) monastery founded near the village of Gulkevichi in the Kuban region in 1895 is reconstructed. Initially it was the Pokrovsky Male Skete which belonged to the Aleksandro-Athos Zelenchukskaya Pustyn (remote monastery). However, by the beginning of the 1920s, the contingent of monks and the name of the monastery had changed. It was named the Ioanno-Pokrovsky Convent. The article considers episodes of the monastery inner life after the establishment of the Soviet power in the Kuban and analyzes the consequences of the Civil War and the seizure of church treasures in 1922. The date of the closure of the monastery in 1924 is specified; the further fate of the Orthodox Pokrovsky community, which was connected with the spiritual life of the Convent, is clarified. The date of the destruction of the Church in the name of the Protection of the Mother of God is also identified. Based on the researched documents a conclusion about the reasons and characteristic features of the anti-religious policy of the state in the mid-1920s is made, which was caused primarily by ideological and political rather than economic factors.

Ключевые слова: Армавирский округ, Гулькевичи, Иоанно-Покровский женский монастырь, иеромонах, закрытие, генерал И.Ф. Калинович, Кубань, монастырь, Покровский мужской скит.

Keywords: Armavir District, Gulkevichi, Ioanno-Pokrovsky Convent, hieromonk, closure, general I.F. Kalinovich, Kuban, monastery, Pokrovsky Male Skete.

К началу XX века в Российской империи насчитывалось более 1 200 монастырей различного статуса. Помимо религиозной деятельности насельники монастырей занимались хозяйственной деятельностью, просвещением населения, оказывали социальную помощь престарелым, больным и нуждающимся. Многие монастыри были центрами паломничества, куда направлялись православные верующие за духовной и нравственной поддержкой. В.О. Ключевский отмечал, что «древнерусское монашество было точным показателем нравственного состояния своего мирского общества: стремление покинуть мир усиливалось не от того, что в миру скоплялись бедствия, а по мере того, как в нём возвышались нравственные силы. Это значит, что русское монашество было отречением от мира во имя идеалов, ему непосильных, а не отрицанием мира во имя начал, ему враждебных» [1, с. 72]. Отмеченные религиозные и социальные функции монастырей сохранялись и в начале XX века.

Если дореволюционный период в истории монастырей Русской Православной Церкви достаточно хорошо документирован, то этого нельзя сказать о периоде с 1917 по 1924 гг., когда территории многих епархий оказались ареной братоубийственной гражданской войны, в которых господствовал красный террор, а затем началась антирелигиозная кампания сопровождавшаяся закрытием и разрушением монастырей. В полной мере это испытали монастыри, пустыни и скиты, располагавшиеся на Ставрополье и Кубани в 1918–1920 гг. Этот период их истории практически не реконструирован и не изучен. Хотя в настоящее время в научный оборот вводятся всё новые данные, раскрывающие как на уровне центра, так и на уровне местных органов власти особенности политики советской власти по вопросу отделения Церкви от государства [2; 3; 4], изучение этих проблем в региональном аспекте находится на начальном этапе.

При изучении местного архивного материала удаётся наполнить сухие исследовательские схемы, показывающие в основном политику центра, локальными фактами, живыми судьбами людей, конкретными материалами, в которых отражаются микроисторические процессы, живая повседневность той территории, где претворялись в жизнь распоряжения государства, проводившего антирелигиозную политику [5, с. 69–73].

Процесс закрытия небольшого монастыря на Кубани, первоначально называвшегося Покровским мужским скитом, а в последующем Иоанно-Покровским женским монастырём, ставший объектом настоящей статьи, наглядно иллюстрирует цели и методы антирелигиозной политики советской власти на Кубани в середине 1920-х гг.

Скитами именовались кельи монахов-отшельников, возникавшие вдали от монастырей. Покровский мужской скит, называвшийся ещё Калиновичским подворьем, располагался в Баталпашинском отделе Кубанской области близ станции Гулькевичи Владикавказской (ныне Северо-Кавказской) железной дороги. В советских документах 1920-х гг. встречаются также и варианты наименования скита – Калиновичский / Калиновский / Калинов монастырь. Возникла обитель после того, как местный землевладелец Иван Федорович Калинович,

генерал-майор Русской императорской армии с 02.09.1876 г., пожертвовал Александро-Афонскому монастырю крупный земельный участок. В октябре 1892 г. в Св. Синод поступил доклад Преосвященного Евгения, епископа Ставропольского и Екатеринодарского, в котором сообщалось о передаче земельного надела монастырю: «...из Высочайше ему (И.Ф. Калиновичу. – *Авт.*) пожалованного имения 800 десятин в Кубанской области Урупского округа, части оногo земельного участка 200 десятин с виноградным и фруктовым около одной десятины садом, в вечное и бесповоротное владение церкви, имеющей устроиться им в означенном имении во имя Покрова Пресвятой Богородицы» [6, л. 5].

Над могилой умершего генерала Калиновича, на завещанной им монастырю земле, довольно быстро, в 1895 г., был отстроен кирпичный тёплый храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы [5, стб. 1829], имевший также придел на хорах, посвящённый имени Св. Николая (Кочанова) Христа ради Юродивого, Новгородского Чудотворца, память – 27 июля. Следует отметить, что в честь этого святого храмы в России встречались крайне редко [6, с. 121]. В 1896 г. Покровский храм, давший название скиту, был освящён игуменом Серафимом, а скит был приписан к Свято-Александро-Афонской Зеленчукской нештатной общежительской мужской пустыни. Покровский скит отстоял от пустыни на расстоянии примерно 200 верст [9, л. 7; 10, с. 661; 12, с. 183; 18, с. 134;] и фактически жил самостоятельной жизнью.

После окончания Гражданской войны, в середине 1920 г., в селе Гулькевичи и его окрестностях насчитывалось 1 068 дворов с населением 10 250 душ [13, л. 1]. Они в основном и являлись прихожанами Покровского храма. Сведений о жизни скита, относящихся к периоду 1917–1921 гг. пока не выявлено. В литературе считается, что Покровский мужской монастырь был закрыт в 1920 году [14, с. 226], но это не соответствует действительности. Он был ликвидирован в период с 11 февраля по 22 марта 1924 г. на основании распоряжения административного отдела Кубано-Черноморского областного исполкома. Секретным распоряжением исполкома № 23/с от 9 февраля 1924 г. предписывалось Калиновичский монастырь закрыть, монашек удалить, помещения монастыря передать в распоряжение Госвин- и Кубсахзаводов под детский приют и для культурно-просветительских целей [15, л. 27].

Вероятно, в годы Гражданской войны и красного террора состав насельников небольшого Покровского монастыря поменялся – из мужского по составу, каким он был при организации, он стал женским. Связи с Александро-Афонской Зеленчукской пустыней были утрачены, она была закрыта после 1920 года. По крайней мере, последние документальные свидетельства о ней относятся к 1918 году. В 1925 г. на территории Александро-Афонской Зеленчукской пустыни уже действовал интернат для сирот «Нижнеархызский детский дом № 3» [11, с. 93].

Известно, что в 1921 г. при попытке приходской общины при Покровском храме официально зарегистрироваться, как этого потребовала официальная

власть, возникло препятствие: по обвинению в контрреволюционной деятельности в период управления Югом России генералом А.И. Деникиным был арестован 8 апреля 1921 г. настоятель подворья иеромонах Никодим (Антипов) и директор сахарного завода Н.Н. Хорцев. Заключённые более двух месяцев находились в тюрьме Армавирского отделения ВЧК. 13 мая 1921 г. по постановлению Коллегии АрмгубЧКа иеромонах Никодим (Антипов) был приговорён к высшей мере наказания – расстрелу [16, с. 95]. В обвинительном заключении говорилось: «Хорцев Н.Н., директор завода, создал церковный комитет при Кубанском сахарном заводе, где сам лично руководил церковным комитетом, делая воззвания с тонкой политикой против советской власти совместно со священником Антиповым, который был вызван лично Хорцевым для совместной агитационной работы. Хорцев как директор завода не обращал никакого внимания на рабочих, организовывал церковные собрания без ведома завкома. <...> Собрания по большей части велись ночью, на какую тему велись собрания, трудно было установить. <...> Священник Антипов также работал совместно с Хорцевым, проповедуя против советской власти, и при белых выдавал красноармейцев. Но это точно не установлено ввиду того, что свидетели проживают вс. Гулькевичи Кубанского отдела, а посему дело требует более тщательного расследования и привлечения виновных к законной ответственности как явных врагов трудового народа» [17, с. 124]. На допросе о. Никодим отрицал свое участие в организации церковного комитета Кубанского сахарного завода, так как с 15 июня 1920 года по 4 марта 1921 года находился в отпуске и проживал у родных вс. Ореховка Ставропольской губернии [17, с. 123]. Доказательной базы у обвинения не было, но «революционной законности» это было и не нужно. Это был первый ощутимый удар по скиту, нанесенный новой властью.

Иеромонах Никодим (в миру – Никодим Васильевич Антипов) с 1914 по 1921 год был настоятелем в Покровской церкви, после ареста и гибели ему на смену пришёл, как показывают архивные документы 1922 г. [20, л. 100, 101] иеромонах Дамаскин (Погорелов).

Сохранились некоторые сведения, которые позволяют восстановить в общих чертах топографию монастыря. Кирпичный тёплый храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы был возведён в 1895 г. на земле генерала Калиновича, переданной им Александро-Афонской Зеленчукской общежительной мужской пустыне. На этом же участке разместились кирпичные и деревянные постройки, помещения для скота и других служб [18, с. 134, 135]. Во внутреннем дворе Покровского монастыря был посажен сад с фруктовыми деревьями. Напротив церкви находился двухэтажный кирпичный дом, а также ещё три дома из кирпича, все крытые черепицей, четвёртый, турлучный, был накрыт камышом. Между поймой Кубани и оградой размещался пятый кирпичный дом, крытый также черепицей. Во дворе имелся колодец с кирпичным срубом, имелись холодные постройки.

Большое подворье Покровского мужского скита после 1911 г. оказалось между территориями сахзавода и спиртзавода. Произошло это после того,

как участок в 120 десятин был продан сыном помещика Я.Т. Николенко графу И.И. Воронцову-Дашкову, который на купленной земле начал строительство сахарного завода, законченное в 1913 г. По сведениям краеведов, подворье было обнесено кирпичной изгородью. В настоящее время, на плане пос. Гирей, эта ограда проходила бы с севера по ул. Школьной, с юга – по ул. Ленинской, с востока – по переулку Ленина и с запада – по переулку Школьному. Бывшие монастырские дома вошли в состав ул. Школьной под № 13, 21, 23, двухэтажный под № 27, пятый дом, по ул. Заводской, был занят ветеринарным пунктом. За апсидой Покровского храма, с восточной стороны, находился склеп, возможно, генерала Калиновича, который после разорения кладбища в церковной ограде использовался жильцами под погреб; здесь ещё сохранялись в 1930-е годы две могилы, с памятниками из чёрного шлифованного мрамора с позолоченными надписями. Могилы принадлежали семьям местных крупных землевладельцев. На одной плите имелась надпись с указанием имён Меснянкина Николая Ивановича, умершего 28 марта 1909 г. на 83 году жизни, и Меснянкиной Наталии Николаевны, скончавшейся на 71 году жизни 21 мая 1910 г. Второй памятник принадлежал Николенко Якову Терентьевичу, скончавшемуся 6 августа 1907 году [19].

С 1922 г. часть территории Покровского скита уже использовалась для хозяйственных нужд винокуренным и сахарным заводами, но монастырь ещё действовал, его церковь имела два престола, одного священника и одного диакона.

Кампания по изъятию церковных ценностей в церквях монастыря и с. Гулькевичи была проведена с 21 по 24 апреля 1922 г. По требованию уполномоченного Комиссии по изъятию церковных ценностей 21 апреля было созвано собрание из верующих и клира Свято-Троицкой церкви с. Гулькевичи и Покровского монастыря, на котором собравшиеся «одобрили» декрет ВЦИК по изъятию церковных ценностей с целью оказания помощи голодающим Поволжья. 23 апреля, после литургии, был произведён учет ценностей в Свято-Троицкой церкви. Священник Иоанн Ефременко из Гулькевичей обязался за литургией объяснить верующим необходимость проводимой акции, он же в составе комиссии производил учёт церковных ценностей, вес которых равнялся 30 ф. и ½ зол. [20, л. 96, 97].

24 апреля 1922 г. Комиссия Кавказского отдела Кубанской области по изъятию церковных ценностей с участием представителя от рабочих сахарного завода (бывш. Лейбо) в составе: председателя комиссии А. Чубченко, секретаря С.Л. Корнеева, членов: П.П. Портянова – от рабочих Кубанского сахарного завода, представителей от духовенства – священника о. Дамаскина и церковной старосты монахини Евдокии Лаптевой произвела перепись «с натуры» ценностей Покровской церкви, т. е. того, что имелось в наличии, поскольку монастырской инвентарная книга была взята, «по словам священника, отца Дамаскина, Чекой г. Кропоткина» ещё в 1920 г. и не возвращена [20, л. 100, 101].

Таким образом, из Иоанно-Покровского женского монастыря, находящегося при разъезде Гирей Владикавказской ж. д. Кавказского отдела Кубанской

области, именно так он теперь назывался, согласно акту, изъятию подлежали от Престола Блаженного Николая: 1) Евангелие («верхняя и нижняя крышки обложены серебром, размер каждой 8x5 вершков – снять можно»); 2) крест серебряный позолоченный весом 1 1/8 ф.; 3) две серебряные чаши с полными приборами весом 6 фунтов.

От престола Покрова Пресвятой Богородицы изъятию подлежали: 1) две серебряные чаши с приборами весом 4 1/4 фунта; 2) крест серебряный весом 1 3/8 фунта; 3) ковчег серебряный весом 2 фунта; 4) Евангелие («верхняя и нижняя крышки обложены серебром, размер каждой 8x5 вершков – снять можно»); 5) четыре ложки к чашам, серебряные, весом 5/8 фунта; 6) Евангелие малое, верхняя и нижняя крышки обложены серебром, размер каждой 4x2 1/2 вершков – «снять можно»; 7) ковшик серебряный весом 1/4 фунта; 8) Икона Божьей Матери – риза серебряная размером 8x7 вершков («ризу снять можно») [20, л. 101].

Документов, указывающих на причину изменения в названии монастыря, не выявлено. Священником в Иоанно-Покровском женском монастыре служил иеромонах Дамаскин (Погорелов), расписавшийся в акте об изъятии ценностей. Вероятно, он был последним настоятелем Калино-Покровского (Калиновского) скита Зеленчукской обители (ещё один вариант встречающегося названия монастыря). В октябре 1935 г. о. Дамаскина арестовали в станице Зеленчукской и вместе с другими монашествующими – в том числе последним игуменом Александро-Афонской Зеленчукской пустыни Феофилом (Чередниченко) – приговорили к 10 годам исправительных лагерей [17, с. 123].

По итогам изъятия церковных ценностей в районе волости Гулькевичи уполномоченный отправил 8 мая рукописное донесение в Кавказскую отдельскую комиссию (Кавотделкомиссию), отметив, что население отнеслось к акции «спокойно», многие даже «безразлично», было создано собрание из духовенства и церковных советов Калиновского монастыря и церкви села Гулькевичи. На собрании один из членов церковного совета попробовал было высказаться против изъятия, но в ответ взял слово священник, который «доказал» что изъятие необходимо, и собрание одобрило решение. Этим священником был Иоанн Ефременко, он собственноручно составлял опись ценностей Свято-Троицкой церкви. Уполномоченный также сообщал, что в волости не было отчислений голодающим с помола зерна до 25 апреля, что ухудшило обстановку в самой волости и было зарегистрировано 250 голодных смертей [20, л. 94]. Таким образом, прихожане не понаслышке знали о голоде, многие испытывали его на себе и охотно согласились помочь «голодающим собратьям» [20, л. 98].

Следует отметить, что упомянутая уполномоченным церковь в Гулькевичах – это Свято-Троицкая церковь. На станции Гулькевичи ранее имелся временный барак, в котором находился престол, освященный во имя Св. Троицы 16 января 1898 г. Здание было деревянное, крытое досками, алтарная часть отделена материей. Но в 1902 г. на средства купца второй гильдии Фомы Акимовича

Николенко из Екатеринодара была построена новая кирпичная церковь с дубовым иконостасом резной работы [21, с. 172]. В церкви был один престол и один священник.

После голодной весны 1922 г. в стенах скита церковная жизнь теплилась ещё два года. Окончательная ликвидация Иоанно-Покровского женского монастыря, сопровождавшаяся выселением монашек, изъятием церковной утвари и прочего имущества, произошла в период с 11.02. по 22.03.1924 г. [23, л. 2–6]. Напомним, что скит был основан изначально как мужской, но в годы Гражданской войны заселён, вероятно, монашками, что дало некоторым исследователям причислять скит к женским монастырям Кубани [см., например, 22, с. 46]. Изменение гендерного состава монашествующих отразилось в новом названии – Иоанно-Покровский женский монастырь, но в просторечии его по-прежнему называли Калиновским или Калиновичским. Постройки монастыря вместе с церковными зданиями были переданы сахарному заводу под «культурно-просветительские цели», но, как оказалось потом, длительное время не использовались.

Литургические предметы монастыря при его закрытии (святой антиминс, богослужебные книги, церковную утварь и пр.) комиссией было предложено передать ближайшим религиозным общинам Алексеевского и Петровского хуторов. От всего имущества в храме Иоанно-Покровского монастыря остался неразобраным только иконостас. Однако религиозные общины указанных хуторов отказались от церковной утвари, поскольку у них, вероятно, было всё необходимое для богослужения, и её передали в общины сел Гулькевичи, Петропавловское и хут. Майкопского 22 марта 1924 года [23, л. 2, 4, 6]. Лишнее богослужебное имущество общины не брали, поскольку с отделением Церкви от государства, оно объявлялось государственной собственностью, и, как и культовые помещения, сдавалось в аренду православным общинам, которые несли за их сохранность материальную ответственность.

Волостному отделу милиции Гулькевичского волисполкома было приказано проследить, чтобы имущество общинам передавалось по договору и с описью, «немедленно, в один день, с тем, чтобы не было со стороны монашек агитации среди населения, о чём их предупредить после передачи имущества». Верующие окрестных станиц и хуторов, которые посещали монастырский храм, остались без помещения для отправления богослужений; им было предложено принять церковную утварь, однако образовавшаяся Покровская община отказалась от неё (поскольку было лишено молитвенного здания. – *Авт.*), и оставшееся имущество по договору было передано другим общинам [23, л. 7]. Тем временем верующие, ранее ходившие в Покровскую церковь, были вынуждены организовать в группу при молитвенном доме в хут. Алексеевском, но в конце апреля–начале мая 1925 г., группа раскололась на два течения [24, л. 779], что заставило тихоновцев поставить вопрос о возвращении им Покровской церкви. И для этого были основания.

Монастырские строения поступили на баланс Первого Северо-Кавказского государственного свекольно-сахарного завода им. Нариманова. Однако заводское

управление не спешило использовать здания бывшего монастыря, оказавшиеся практически на территории завода, под свои хозяйственные нужды. Объяснялось это тем, что для устройства жилых помещений для рабочих и служащих заводу требовалось по санитарным нормам 8 800 кв. метров, а в передаваемых же постройках недоставало 2 619 кв. метров, и монастырские площади не могли восполнить образовавшуюся недостачу.

На территории Покровского монастыря была расположена только детская площадка, а жилые помещения (кельи) использовались не полностью, поскольку по-прежнему были заняты «разной утварью» [23, л. 7]. Следует отметить, что в ограде церкви детская площадка была организована наспех только летом 1926 г., после настойчивых требований верующих вернуть им храм. Очевидно, что заводские руководители не торопились по каким-то причинам «осваивать» монастырские помещения, переделывать кельи под жильё. По сути, факт наличия бесхозного церковного имущества, не используемых церковных построек подтолкнул верующих на требование вернуть им для проведения богослужений Покровский храм, находившийся на территории бывшего скита и оказавшийся после закрытия монастыря в собственности завода.

Вопрос о возвращении храма был решительно поднят 18 июля 1926 г. на общем собрании учредителей Калиновско-Покровского религиозного общества староправославного вероисповедания. «Староправославники», сторонники патриарха Тихона, официальные власти их именовали ещё тихоновцами, не входившие в «обновленческую церковь», воспринимались советской властью как монархисты и контрреволюционеры, считались идеологически враждебный слой в общей религиозной массе трудящихся. Поэтому, несмотря на требование закона в равной мере удовлетворять права верующих в отправлении своих культов, тихоновцы находились под особым контролем советской власти даже после кончины патриарха Тихона. Кропоткинский РИК и административный отдел Армавирского окружного исполкома использовали все бюрократические уловки для того, чтобы отказать верующим в возвращении им храма и части бывших монастырских построек.

Во вновь организованной Покровской общине численностью в 181 чел. состояли в основном жители хуторов и поселков Степановка, Гиреевский, Госвин- и Кубсахзаводов. «Староправославники» просили передать в их пользование здание Покровского храма бывшего Калиновичского монастыря вместе с 4 домами, в которых община была намерена расположить сторожку, крестильню, квартиры священно- и церковнослужителей [23, л. 2]. Чтобы снять с себя возможные обвинения в неполном исполнении распоряжения о закрытии монастыря, президиум Кропоткинского РИКа 13 ноября 1926 г. просит президиум окружного исполкома «дать разрешение на окончательное изъятие [в] бывшей церкви религиозного оборудования, как-то: креста над церковью и части иконостаса» [23, л. 10].

Позднее Кропоткинский РИК ещё раз подтверждает, что распоряжение о закрытии монастыря было точно исполнено 11 февраля 1924 года; из всего

имущества в храме остался только один иконостас, кельи отданы под квартиры заводских рабочих и служащих (но, как потом оказалось, не все помещения были заняты). Здание храма закрыто, ключи переданы в фабзавком, но здание церкви в течение двух с половиной лет никак не использовалось. Представитель административного отдела округа установил, «что для рабочих заводов важно было получить столь удобные во всех отношениях квартиры, зданием же храма они не интересуются, окна в нём повывбиты, везде грязно, и оно постепенно разрушается» [23, л. 2]. Из этого документа видно, что районные власти колебались и были почти готовы пойти навстречу настойчивым требованиям общины. Регистрация её зависела от наличия свободной церкви или молитвенного здания – при монастыре ещё находилось 5–6 десяти земли, также, видимо, бесхозных, – но окончательное решение оставалось за Армавирским окрисполкомом.

Из окружного центра потребовали разъяснений от руководства сахарного завода по вопросу использования имущества монастыря. Директор-распорядитель завода М. Шкурин в апреле 1927 г. сообщал в Армавир, что в самое непродолжительное время по инициативе профорганизации в «помещении монастыря организуется клуб», где «проектируется» создание сельскохозяйственной выставки для популяризации среди крестьян ближайших населённых пунктов свеклосеяния и многополья, а также планируется организовать стрелковый кабинет, «уголок Авиахима», читальню и разместить ряд других общественных организаций [23, л. 9]. Из текста ответа можно сделать вывод: поскольку в нём говорилось обо всех предстоящих мероприятиях в будущем времени, работа по их созданию только планировалась. На самом же деле помещения Покровского монастыря весной 1927 г. большей частью ещё пустовали. По сообщению из Кропоткинского района, направленного окружным властям 31 мая 1927 г., рабочие сахарного завода хут. Гиреевского «разрушают каменную ограду в Калиновском монастыре, уносят неизвестно куда железные решетки, уничтожают мраморные памятники и т. д.» [25, л. 180].

Ответное письмо директора сахарного завода, стало, тем не менее, для властей округа основанием для того, чтобы отказать верующим в их просьбе вернуть не используемые более 2 лет храм и часть монастырских построек.

Распоряжение о невозможности «удовлетворить ходатайство верующих о возврате церкви» Армавирский окрисполком принял 3 апреля 1927 года [23, л. 11]. Верующие обратились с жалобой в Северо-Кавказское краевое административное управление и Кропоткинский исполком на то, что Армавирский административный отдел несколько месяцев не утверждает устав Калиновского религиозного общества православных христиан старого толка [23, л. 14–16, 22]. Потребовались новые и уточнённые данные по церкви для того, чтобы аргументировано ответить Северо-Кавказскому краевому центру, находившемуся в Ростове-на-Дону.

Настойчивость приходского совета Калиновского общества (инициативную группу представлял гр. Канищев) вернуть храм верующим объяснялась

тем, что в составе общества были жители хуторов Ново-Султановского (Гиреевского), Степаненко и Султановского Кропоткинского района, оказавшиеся без церкви (с обществом ранее был расторгнут заключённый договор). Верующие 6–9 августа 1926 г. самостоятельно составили акт передачи им пустующего Покровского храма с ведома Кропоткинского адмотдела и отправили в Армавир документ на регистрацию общины [23, л. 24]. Представители советской власти следовали своей бюрократической логике, казуистически мотивировали отказ следующим образом: «Устав Калиновского Покровского религиозного общества будет зарегистрирован при условии указания общиной молитвенного дома, в коем будут совершаться религиозные обряды, и представления технического акта о пригодности помещения», поскольку Калиновский монастырь передан заводам, то община не может претендовать на его здания, в том числе и пустующую церковь; следовательно, община не может быть зарегистрирована. Такой ответ был дан в краевой административный отдел 14 июля 1927 г., хотя кирпичное здание Покровского храма по-прежнему оставалось пустующим и в довольно хорошем состоянии. В своём ответе в Ростов-на-Дону окружные власти «по культовой части», специально сгустили краски, отписав, что община «предъявила требование о передаче ей в пользование бывшего Калиновского монастыря со всеми зданиями» (следует уточнить: такое требование верующие не предъявляли, они просили вернуть только церковь); возврат невозможен, поскольку помещения монастыря переданы заводу, «а в остальном препятствий для отправления верующими молитвенных собраний не чинится». Более того, монастырь ранее обслуживал верующих ближайших хуторов, теперь хуторяне частью молятся в обновленческом храме хут. Майкопского, а другая – в храме «старотолковцев» в ст-це Кавказской [23, л. 27–27об].

В ответе краевым властям содержалась также схема расположения населённых пунктов и расстояний до ближайших церквей, подтверждающая, что они находятся на отдалении, не превышающим 5 верст. За время переписки с органами советской власти число членов общины уменьшилось до 179 чел. Теперь ранее молившиеся в Покровском храме жители пос. Госвинзавод – 8 чел., Сахарный завод – 14 чел., хут. Степаненко – 65 чел., станции Гирей – 82 чел., хут. Ново-Султановский – 10 чел., а также верующие хуторов Натальин, Самойлов, Карьер, Выселки вынуждены были участвовать в молитвенных собраниях обновленцев на хут. Майкопском и станции Гирей, а «староцерковники» отправляться в станицу Кавказскую [23, л. 30, 30об]. Будучи выселенными из монастыря, монашки разошлись по окрестным религиозным общинам, монашествующие мужского пола перешли на жительство в монастырь «Обвалы» на окраине ст-цы Кавказской, где служба в деревянной церкви продолжалась до 1927 г.

После закрытия монастыря, испытывая потребность в жилье для рабочих, руководство сахарного завода по решению Гулькевичского сельсовета заняло все монастырские постройки под квартиры, а двухэтажное монастырское здание было передано под школу. Ещё до разборки церкви монастыря в 1927 г. на его подворье поселились несколько семей рабочих спиртзавода. После того как

Гулькевичи стало районным центром, дом вне монастырского двора, который был у поймы Кубани перешёл ветеринарному пункту и существует до сих пор. Остальные жилые здания районным коммунальным хозяйством были приведены в хорошее состояние с заменой кровель на шиферную вместо камыша, с постройкой добротных сараев и проч. Собственно здание церкви было приспособлено под склад зерна для спиртзавода. В 1927 г. Гулькевичский сельсовет разрешил разобрать церковь Покровского скита на стройматериалы, которые пошли на строительство и ремонт производственных объектов и возведение двух 4-квартирных и одного 3-комнатного дома, расположенных рядом с территорией скита, они были первыми домами по ул. Школьной. Разобрана была и кирпичная ограда монастыря. При разборке церкви особую трудность представляли углы и перемычки над оконными и дверными проёмами, сложенные на качественном цементном растворе. Остальная кладка, выполненная на известковом растворе «под залив», легко разбиралась. Лесной материал кровли хорошо сохранился и весь ушёл на ремонтные работы. Иконостас, состоящий из выдержанных липовых досок толщиной 50 мм, длительное время использовался на «модели». Из них для завода было изготовлено несколько чертёжных досок. При демонтаже церкви выпарщику Иванову удалось обнаружить в кладке цоколя залитую сургучом стеклянную пробирку, в которой была вложена свёрнутая бумажка с упоминанием основателя монастыря. Но ей не придали особого значения и уничтожили. Ожидалось, что здесь же должны быть заложены золотые монеты, но вместо них нашли только несколько медяков. На месте разорённого монастыря остались фундаменты, а рядом расположились жилые дома [19].

На примере Иоанно-Покровского (Калиновичского) женского монастыря хорошо видны приёмы и методы осуществления антирелигиозной политики в Кубано-Черноморской области: 1) закрытие монастырей проводилось по идейно-политическим мотивам; сопровождалось необоснованными репрессиями по отношению к монашествующим; 2) острой экономической необходимости в закрытии монастырей не было, монастырское имущество не сразу использовалось в хозяйственных целях, закрытые церкви и здания часто долго пустовали; 3) власти всячески препятствовали возвращению монастырских церквей верующим, даже если в молитвенных зданиях ощущалась острая необходимость; 4) просьбы о регистрации общин, особенно «староцерковников», тонули в бюрократической переписке между районными (волостными), окружными и краевыми властями; 5) православным верующим намеренно создавали объективные трудности (отдалённость храма, его переполненность) с целью дробления и распыления приходских общин канонической Церкви (тихоновцев) и последующего включения их членов в состав обновленческих, которые считались более лояльными по отношению к советской власти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ключевский, В. О. Значение преподобного Сергия для русского народа и государства / В. О. Ключевский. – Текст : непосредственный // Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели политической мысли. – М., 1990. – 272 с.

2. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991) : материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. – М. : ПроPILEI, 1995. – Кн. 1. – 400 с. ; Кн. 2. – 464 с. – Текст : непосредственный.
3. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941 : документы и фотоматериалы. – М. : Изд-во Библиейско-Богословского института св. апостола Андрея, 1996. – 352 с. – Текст : непосредственный.
4. Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б) (Антирелигиозная комиссия). 1922–1929 гг. / сост. В. В. Лобанов. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2014. – 381 с. – Текст : непосредственный.
5. Малахов, С. Н. Судьба Калиновичского монастыря как отражение антирелигиозной политики 1920-х гг. / С. Н. Малахов, С. В. Симонянц. – Текст : непосредственный // Четвёртый Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов : сборник материалов / под ред. С. Н. Савенко. – Пятигорск : Печатный Двор, 2018. – С. 69–73.
6. Российский государственный исторический архив. – Ф. 796. – Оп. 173. – 1892. – № 1291. – Текст : непосредственный.
7. Полный Православный богословский энциклопедический словарь. – Репринтное издание. – М. : Возрождение, 1992. – Т. II. – 2462 стб. – Текст : непосредственный.
8. Шавельский Георгий, протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота / Георгий Шавельский. – Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова. – 1954. – Т. I. – 416 с. – Текст : непосредственный.
9. Государственный архив Ставропольского края. – Ф. 135. – Оп. 72. – Д. 907. – Текст : непосредственный.
10. Православные Русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. – Репринт издания 1910 г. – СПб. : Воскресение, 1994. – 732 с. – Текст : непосредственный.
11. Не нам, но имени Твоему. Свято-Алекса́ндро-Афо́нская Зеле́нчукская пустынь и древнехристианские храмы в ущелье Большого Зеленчука / сост. И. Н. Чеботаева. – Ставрополь : Бюро новостей, 2020. – 128 с. – Текст : непосредственный.
12. Православные монастыри России : краткий справочник. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. – 456 с. – Текст : непосредственный.
13. Архивный отдел Администрации г. Армавира (далее – АОАА). – Ф. Р-475. – Оп. 1. – Д. 278. – Текст : непосредственный.
14. Бороденко, В. Е. Монастыри и монашество / В. Е. Бороденко. – Текст : непосредственный // Дело мира и любви: Очерки истории культуры и Православия на Кубани / науч. ред. О. В. Матвеев. – Краснодар : Традиция, 2009. – С. 220–226.
15. АОАА. – Ф. Р-476. – Оп. 2. – Д. 12. – Текст : непосредственный.
16. Кияшко, Н. В. «Прикрываясь различными каноническими правилами, производят демонстративные поминовения патриарха»: советская власть и православные монастыри на юге СССР / Н. В. Кияшко. – Текст : непосредственный // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. VII : материалы межрегиональной научной конференции / отв. ред. С. Г. Немченко. – Армавир–Отрадная, 2019. – С. 90–96.
17. Гурин, А., иерей. Святые наших дней. Жизнеописания новомучеников, исповедников и подвижников благочестия Карачаево-Черкесии / А. Гурин. – Ставрополь : Агрус, 2019. – 170 с. – Текст : непосредственный.

18. Ченикалова, Е. В. Очерки об Афонских монастырях Кавказа / Е. В. Ченикалова. – Ставрополь : Параграф, 2013. – 216 с. – Текст : непосредственный.
19. 100 лет Сахарному заводу – Сайт посёлка Гирей. – URL: <http://girey.ru/history/monastyr-i-kirpichnyj-zavod/>. – Текст : электронный.
20. АОАА. – Ф. Р-44. – Оп. 1. – Д. 78. – Текст : непосредственный.
21. Храмы и монастыри Ставропольской епархии (1843–1920 гг.) : справочник/ сост. В. В. Белоконь. – Ставрополь : Бюро новостей, 2012. – 448 с. – Текст : непосредственный.
22. Макаренко, П. Прости нас, Господи... / П. Макаренко. – Краснодар : Традиция, 2008. – 96 с. – Текст : непосредственный.
23. АОАА. – Ф. Р-152. – Оп. 1. – Д. 30. – Текст : непосредственный.
24. АОАА. – Ф. Р-152. – Оп. 1. – Д. 18. – Текст : непосредственный.
25. АОАА. – Ф. Р-152. – Оп. 1. – Д. 33. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Klyuchevskiy V.O. Znachenie prepodobnogo Sergiya dlya russkogo naroda i gosudarstva [The Value of St. Sergius for the Russian People and State]. M., 1990. 272 p.
2. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov v sovetskoe vremya (1917–1991). Materialy i dokumenty po istorii otnosheniy mezhdru gosudarstvom i Tserkovyu [Russian Orthodox Church in Soviet Times (1917–1991). Materials and Documents on the History of Relations between the State and the Church]. M., «Propilei», 1995, vol. 1. 400 p.; vol. 2. 464 p.
3. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov i kommunisticheskoe gosudarstvo. 1917–1941. Dokumenty i fotomaterialy [The Russian Orthodox Church and the Communist State. 1917–1941. Documents and Photographs]. M., Publishing House of the Bible – Theological Institute of St. Apostle Andrew, 1996. 352 p.
4. Protokoly Komissii po provedeniyu otdeleniya tserkvi ot gosudarstva pri CK RKP(b)–VKP(b) (Antireligioznaya komissiya). 1922–1929 gg. [Protocols of the Commission for the Separation of the Church from state under the Central Committee of the RCP(b)–ASCP (b) (Anti-Religious Commission). 1922–1929]. M., OSTHU Publishing House, 2014. 381 p.
5. Malakhov S.N., Simonyants S.V. The fate of the Kalinovichi monastery as a reflection of the anti-religious policy in the 1920s. Chetvortyy Kavminvodskiy mezhhregional'nyy muzeyno-nauchnyy seminar pamyati kraevedov. Sbornik materialov = The Fourth Kavminvodsky Interregional Museum and Scientific Seminar in Memory of Local Historians. Collection of Materials. Pyatigorsk, “Pechatny Dvor”, 2018, pp. 69–73. (In Russian).
6. Rossijskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arhiv [Russian State Historical Archive]. Fund 796, inventory 173, 1892, No. 1291.
7. Polnyy Pravoslavnyy bogoslovskiy enciklopedicheskiy slovar [Complete Orthodox Theological Encyclopedic Dictionary]. M., Vozrozhdenie, 1992, vol. II, 2462 p.
8. Shavel'skiy Georgiy, protopresviter. Vospominaniya poslednego protopresvitera Russkoy Armii i Flota [Shavel'sky Georgiy, Protopresbyter. Memoirs of the Last Protopresbyter of the Russian Army and Navy]. New York, Chekhov Publishing House, 1954, vol. I, 416 p.
9. Gosudarstvennyy arhiv Stavropolskogo kraja [State Archive of Stavropol Krai]. Fund 135, inventory 72, case 907.
10. Pravoslavnye Russkie obiteli. Polnoe illyustrirovannoe opisanie vseh pravoslavnyh russkih monastyrey v Rossijskoy imperii i na Afone [Orthodox Russian Monasteries. Complete Illustrated Description of all Orthodox Russian Monasteries in the Russian Empire and on Athos]. SPb., Voskresenie, 1994. 732 p.

11. Ne nam, no imeni Tvoemu. Svyato-Aleksandro-Afonskaya Zelenchukskaya pustyn i drevnie hristianskie hramy v ushhele Bolshogo Zelenchuka [Not for Us but for Your Name. Holy Alexander-Athos Zelenchukskaya Pustyn and Ancient Christian Temples in the Bolshoy Zelenchuk Gorge]. Stavropol, Byuro Novostey, 2020, 128 p.
12. Pravoslavnye monastyri Rossii. Kratkii spravochnik [Orthodox Monasteries in Russia. Brief Reference Guide]. Novosibirsk, Siberian Chronograph, 2000, 456 p.
13. Arhivnyy otel Administracii g. Armavira [Archive Department of the Administration of Armavir]. Fund R-475, inventory 1, case 278.
14. Borodenko V.E. Monastyri i monashestvo. Delomira i lyubvi: Ocherki istorii i kul'tury i Pravoslavyana Kubani [Monasteries and Monasticism. Essays on the History of Culture and Orthodoxy in the Kuban]. Krasnodar, Traditsiya, 2009, pp. 220–226.
15. Arhivnyy otel Administracii g. Armavira [Archive Department of the Administration of Armavir]. FundR-476, inventory 2, case 12.
16. Kiyashko N.V. “Under the guise of various canonical rules, they produce demonstrative commemorations of the patriarch”: Soviet power and Orthodox monasteries in the south of the USSR. Otradnenskie istoriko-kraevedcheskie chteniya = Otradnenskie Historical and Local Readings, 2019, issue VII, pp. 90-96. (In Russian).
17. Gurin A. Svyaty nashih dney. Zhizneopisaniya novomuchenikov, ispovednikov i podvizhnikov blagochestiya Karachaevo-Cherkesii [Nowadays Saints. Biographies of the New Martyrs, Confessors and Devotees of Piety in Karachay-Cherkessia]. Stavropol, Agrus, 2019. 170 p.
18. Chenikalova E.V. Ocherki ob Afonskih monastyryah Kavkaza [Essays on the Athonite Monasteries of the Caucasus]. Stavropol, Paragraph, 2013. 216 p.
19. 100 let Saharnomu zavodu [100th Anniversary of the Sugar Factory]. Available at: <http://girey.ru/history/monastyr-i-kirpichnyj-zavod>.
20. Arhivnyy otel Administracii g. Armavira [Archive Department of the Administration of Armavir]. FundR-44, inventory 1, case 78.
21. Harm i monastyr I Stavropol'sko yeparhii (1843–1920 gg.) [Churches and Monasteries of the Stavropol diocese (1843–1920)]. Stavropol, Byuro Novostey, 2012. 448 p.
22. Makarenko P. Prostinas, Gospodi... [Forgive us, Lord ...]. Krasnodar, Traditsiya, 2008. 96 p.
23. Arhivnyy otel Administracii g. Armavira [Archive Department of the Administration of Armavir]. FundR-152, inventory 1, case 30.
24. Arhivnyy otel Administracii g. Armavira [Archive Department of the Administration of Armavir]. FundR-152, inventory 1, case 18.
25. Arhivnyy otel Administracii g. Armavira [Archive Department of the Administration of Armavir]. FundR-152, inventory 1, case 33.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Малахова, А. С. Иоанно-Покровский женский монастырь в Кубано-Черноморской области и его закрытие в 1924 году (по архивным материалам) / А. С. Малахова, С. Н. Малахов // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 4. – С. 111–124.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Malakhova A. S., Malakhov S. N. The Ioanno-Pokrovsky Convent in Kuban-Black Sea Region and Its Closure in 1924 (Based on Archival Materials) / A. S. Malakhova, S. N. Malakhov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2021, No. 4, pp. 111–124. (In Russian).